

УДК 94(470.1/2 + 470.2)“19”

М.А. Белан¹

Феномен временной военной службы: добровольцы городов Санкт-Петербургской губернии на Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Аннотация. Рассматривается уникальный опыт привлечения добровольцев на временную военную службу в ходе Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Тяжелое положение на Северо-Западе страны во время войны с Турцией, угроза столице побудили власти прибегнуть к необычной мере: было объявлено о наборе добровольцев, которым обещали службу только на протяжении войны и существенные привилегии после ее окончания. Изучено поступление добровольцев из мещан и купцов городов Санкт-Петербургской губернии, их служба и дальнейшая судьба. Рассмотрены случаи принудительной сдачи на службу лиц без паспортов. Добровольцы поступали в армию, гвардейские части и на флот. Многие из них возвратились в свои общества в 1790 г. Рассмотренный феномен – временная и по большей части добровольная военная служба – вписан в контекст проблем комплектования русской армии и появившихся в этот период проектов военных реформ. Результаты исследования позволяют увидеть рост вовлеченности городского населения в военные и государственные дела в конце XVIII в.

Ключевые слова: Русско-шведская война 1788–1790 гг.; добровольцы; временная военная служба; купечество; мещанство.

The phenomenon of temporary military service: volunteers from towns of St. Petersburg province in the Russo-Swedish War of 1788–1790

Abstract. The article examines the unique experience of enlistment of volunteers to join temporary military service during the Russo-Swedish War of 1788–1790. The difficult situation in the North-West of the country during the war with Turkey, the threat to the capital made the authorities to resort to a most unusual measure: the recruitment of volunteers was announced, who were promised the service only for the duration of the war and significant privileges after its end. The article studies the admission of volunteers from the petit bourgeois and merchants from towns of St. Petersburg province, as well as their service and the future fate. Cases of forced surrender of the citizens without passports to the service are also considered. Volunteers entered the army, the navy, and the guard corps units. Many of these men returned to their communities in 1790. This phenomenon – temporary

¹ Михаил Александрович Белан – кандидат исторических наук, DPhil Student Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания), e-mail: mikhailbelan@mail.ru.

Mikhail A. Belan – Candidate of Historical Sciences, DPhil Student, University of Oxford (Oxford, The United Kingdom).

and mostly voluntary military service – is studied in the context of the problems of the manpower supply for the Russian army and projects of military reforms that appeared during this period. The results of the study provide better understanding of the growing involvement of the townspeople in the military and state businesses at the end of the XVIII century.

Keywords: The Russo-Swedish War of 1788–1790; volunteers; temporary military service; merchants; meshchane.

В конце XVIII – начале XIX в. войны в Европе приобрели новый характер и масштаб. На смену «кабинетным войнам» пришли массовые, затяжные конфликты, требовавшие гораздо больших ресурсов, что вело к росту вовлеченности общества в военные действия. Небольшие армии, действовавшие, как правило, на чужой территории, уступали место массовым национальным армиям [20, р. 37]. В Российской империи армия комплектовалась на основе рекрутских наборов, однако к концу XVIII в. недостатки подобной системы становились все более очевидными. Наборы, в ходе которых рекруты на всю жизнь покидали свои общины и семьи (с 1793 г. срок службы был сокращен до 25 лет), позволяли иметь большую и профессиональную армию, но не могли обеспечить создание обученного резерва, оперативно развертываемого в случае военной угрозы [6, с. 73].

По всей видимости, в первый раз правительство столкнулось с острым кризисом подобного рода в 1788 г. В ходе тяжелой войны с Турцией, когда большая часть войск из северо-западных губерний находилась на южном театре военных действий, шведский король Густав III объявил войну России. Санкт-Петербургская губерния и сама столица оказались под угрозой, так как находились в непосредственной близости от нового театра военных действий. В этих условиях Екатерина II и ее окружение прибегли к экстраординарным мерам, обратившись к населению столичной губернии с призывом добровольно вступить в армию на время войны со Швецией. Данный эпизод остается совершенно неисследованным в российской и зарубежной историографии. Основное внимание традиционно уделяется участию российского общества в военных действиях более позднего периода, прежде всего в Отечественной войне 1812 г. [4; 5; 10]: сборам земского ополчения, партизанским действиям, и т.д. [1; 9; 17]. В меньшей степени освещена история первого ополчения – сборы земского войска, или милиции, в 1806–1807 гг. [2; 3; 7; 8, с. 1–33]. Между тем изучение феномена временной добровольной военной службы в период Русско-шведской войны 1788–1790 гг. на основе ранее не изученных архивных материалов позволяет дополнить наши представления о вовлеченности городского общества в военные и государственные дела национального масштаба.

В конце XVIII в. правительства разных стран экспериментировали с созданием временных военных сил, не входивших в регулярную армию.

Вооружение граждан происходило по-разному: от создания милиции, мобилизуемой на случай войны для защиты территории страны (Великобритания), до массового призыва на определенный срок (*levée en masse* во Франции в 1793–1794 гг.) [18, p. 26; 19, p. 149].

В России в 1788 г. правительству пришлось разработать и срочно провести мобилизацию на близких к театру военных действий территориях, принимая во внимание специфику социальной и политической организации. Материалы о добровольном поступлении на временную военную службу обнаруживаются в фондах органов городского самоуправления многих городов Санкт-Петербургской губернии. В ходе настоящего исследования изучены материалы г. София, датированные 1788–1792 гг. [11; 12; 13; 14; 15; 16]. Эти документы позволяют рассмотреть участие городских сословий (мещан и купцов) в пополнении военных сил в военное время.

3 июля 1788 г.¹ императрицей был подписан указ, на основе которого главнокомандующим Я.А. Брюсом разработаны детальные инструкции, разосланные по Санкт-Петербургской губернии. В соответствии с этими распоряжениями на думы и магистраты вместе с городничими (а в уездах – на уездные органы власти) возлагалась обязанность объявить горожанам и «поселянам ведомства директора экономии» о добровольном наборе на временную военную службу исключительно на период «защиты от нового врага короля Шведского». Приглашались годные по состоянию здоровья мужчины от 17 до 45 лет [11, л. 2–4]. Прием людей должен был производиться стандартно – в рекрутском присутствии при казенной палате. Расходы на обеспечение добровольцев одеждой, жалованьем и провизией на несколько месяцев, как и в случае рекрутских наборов, возлагались на счет городского общества. В инструкциях главнокомандующего особенно подчеркивалась недопустимость принуждения и злоупотреблений. Так как к мобилизации подобного рода прибегали впервые, ряд вопросов остался неурегулированным: например, из материалов городских дум не совсем понятно, платили ли общества подати за отсутствовавших добровольцев.

Согласно указу императрицы, поступавшим на службу, во-первых, было обещано увольнение по окончании войны. Во-вторых, семья добровольца освобождалась от 20 рекрутских наборов. Имеется в виду расчет, при котором один набор равнялся 1 рекруту с 500 душ м.п. [11, л. 4]. Следовательно, служба во время войны против «короля Шведского» позволяла семье рассчитывать на бронь от рекрутской повинности на несколько лет вперед, если не на десятилетие. В-третьих, семьям погибших и умерших на службе должны были предоставить государственное «попечение» [11, л. 4].

Рассмотрим, кто поступил на службу, как сложилась судьба этих горожан, были ли они действительно отпущены по окончании войны. Согласно

¹ Даты приводятся по старому стилю.

подсчетам Софийской городской думы в 1790 г., на службу во время войны поступил 91 доброволец. Однако этот список был неполным: в журналах и переписке городской думы встречаются упоминания об отдельных лицах, не вошедших в него. По моим подсчетам, на службу поступило около 100 человек, или почти каждый 6-й мещанин (в конце 1780-х гг. в составе мещанского общества Софии насчитывалось чуть более 600 душ м.п.). Необычайно широкий отклик на призыв добровольцев мог быть связан как с патриотическими настроениями, так и с обещанными привилегиями, в частности, льготами при следующих рекрутских наборах.

Список 1790 г. позволяет привести некоторую статистику: из 91 добровольца 19 при посредничестве софийского городничего поступили рядовыми в Лейб-гвардии Преображенский полк, 52 человека зачислены на галерный флот «по желанию за наем» [16, л. 1]. Еще 20 оказались не добровольцами – это были софийские мещане, задержанные комендантом Кронштадта за проживание без паспортов. Они были направлены в Кронштадтский батальон [16, л. 11].

Осенью 1790 г. из Преображенского полка в Софийскую городскую думу поступили следующие сведения. По данным полковой канцелярии, на службу были зачислены не 19, а 21 софийский горожанин, из которых трое бежали, один умер во время службы, 16 возвращены в город, один изъявил желание остаться на службе «бессрочно» (Николай Астафьев, приписанный «из польских выходцев» в 1782 г.) [14, л. 2; 16, л. 4, 6]. Судьба нанятых на галерный флот неизвестна, хотя городские власти вели переписку об их возвращении. Примечательно, что Софийская городская дума пыталась добиться от Военной коллегии возвращения и тех горожан, которые были взяты в Кронштадте за отлучки и неплатежи [16, л. 1].

Представляет интерес социальный состав поступивших на службу лиц. Многие из них действительно представляли беднейшие слои городской общины. Из 20 задержанных в Кронштадте жителей Софии практически все относились к числу недавно записанных в общество: 18 человек поступили в общину в 1784 г. «рабочими» – так называли мещан, наказанных за правонарушения и высланных из столицы «на жительство» в уездные города [16, л. 12].

Однако наряду с мещанами на военную службу записалось и несколько представителей купечества г. Софии, что скорее являлось проявлением патриотических чувств, нежели стремлением сменить род занятий. Так, двое братьев, Григорий и Степан Ломакины, в марте 1789 г. обратились в Софийскую городскую думу с просьбой как можно быстрее исключить их из купеческого звания для поступления на военную службу. Примечательно, что братья были сыновьями пермского купца, имевшего, по всей види-

мости, хороший достаток: отец Ломакиных, Кирилл Федорович, числился купцом первой гильдии и «имел жительство при рудниках медеплавильных казенных заводов ведомства Пермской казенной палаты» [12, л. 5]. К своему прошению братья приложили письмо отца, поощрявшего их стремление пополнить ряды защитников Отечества. Однако проверка заняла многие месяцы: городская дума должна была удостовериться в отсутствии долгов за Ломакиными. В итоге один из братьев, Григорий, в мае 1789 г. самовольно поступил в Невский пехотный полк, на что неоднократно жаловалась дума, а в августе того же года в армию ушел и Степан, получив лишь предварительное решение об исключении из купеческого сословия (не утвержденное казенной палатой). В июне следующего 1790 г. Степан появился в Софии для того, чтобы забрать документы: в это время он числился сержантом Козловского пехотного полка и предъявил бумаги от полковника, разрешавшие проезд в Санкт-Петербург и обратно по казенным надобностям своего полка, что свидетельствует о достаточно большой свободе действий Степана в новом статусе [12, л. 1–15].

Среди материалов Софийской городской думы встречаются еще прошения от лиц купеческого звания. Добровольное вступление в службу купцов и купеческих сыновей, которые были освобождены от рекрутской повинности в 1775 г., их мотивы и последующая карьера представляют отдельный интерес для исследования.

В октябре 1790 г. в Софийскую городскую думу поступило несколько прошений от возвратившихся с просьбой об исключении из городского общества для продолжения военной службы «бессрочно». Одно из них принадлежало купцу третьей гильдии Никифору Овчинникову, который в Преображенском полку «исполнил свою службу беспорочно в солдатах и уволен... но теперь по возвращении не имеет себе должного пропитания и потому по ревности своей продолжать он желает воинскую службу» [14, л. 22]. Дума постановила исключить Овчинникова с увольнением от подачей за 1790 г. и выдать паспорт для возвращения в полк [14, л. 23].

Таким образом, временная военная служба открывала определенные перспективы для горожан, уровень грамотности которых был выше, чем у крестьян. Спешное открытие военных действий в 1788 г. позволило некоторым из них поступить в элитный Преображенский полк, а отдельные лица приняли решение продолжить службу «бессрочно».

Исследование временной добровольной военной службы горожан в период Русско-шведской войны 1788–1790 гг. позволяет расширить наши представления о городском гражданстве конца XVIII в. – мещанах и купцах, их отношении к государству, службе, защите Отечества.

Список источников и литературы

1. *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. *Белан М.А.* «Не намъ, не намъ, а имени твоему»: жертвования уездного купечества на ополчения в начале XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник славянских культур. 2021. № 60. С. 82–96.
3. *Белан М.А.* Участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах ополчений 1806–1807 и 1812 гг. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2021. № 2(6). С. 15–28.
4. *Белов А.В.* 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.
5. *Белоусов С.В.* Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
6. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
7. *Горновский И.А.* Сто лет назад. Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
8. *Гулевич С.А.* История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. Т. 1. СПб.: Экономическая типо-лит., 1906. 458 с.
9. *Лопина И.Ю.* Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 с.
10. Отечественная война и русское общество: 1812–1912 / под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. 5. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 236 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 18.
12. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 37.
13. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 94.
14. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 138.
15. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 3280.
16. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 3286.
17. *Спиридонова Л.М.* Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
18. *Brewer J.* The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. N.Y: Alfred A. Knopf. 1989. 289 p.
19. *Hartley J.M.* Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / editors: J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.
20. *Speier H.* Class Structure and “Total War” // American Sociological Review. 1939. Vol. IV. No 3. С. 370–380.

УДК 93/94

О.В. Ларюшкин¹

Московские купцы иностранного происхождения и их благотворительная деятельность (конец XVIII – середина XIX в.)

Аннотация. В статье речь идет об одном из важных проявлений гражданской позиции купечества – благотворительности. В качестве объекта исследования выбрана группа московских гильдейских купцов иностранного происхождения. Автор считает, что те из них, кто участвовал в добровольных пожертвованиях на военные нужды, на строительство храмов, богаделен, на основание образовательных учреждений, в полной мере инкорпорировались в московскую купеческую среду.

Ключевые слова: московское купечество; иностранцы; благотворительность; попечительство.

The Moscow merchants of foreign origin and their charity (the end of XVIII – the middle of XIX)

Abstract. The article tells about one of the most important indicator of citizen position of the merchants – a charity. The group of the Moscow guild merchants of foreign origin is an object of the research. The author considers that the benefactors of foreign origin, had participated in the Church's building, foundation of the education institution, were incorporated in the Moscow merchant environment.

Keywords: Moscow merchants; foreigners; charity; patronage.

Становление национального типа купца-предпринимателя, озабоченного не только личным обогащением, но и идеями общественного служения, гражданского долга, наблюдалось в России лишь со второй половины XVIII в. [4, с. 7]. Речь идет, главным образом, о местных купцах «великорусского» происхождения. Но как обстояло дело с бывшими подданными других государств, искавшими счастья на новом месте? Было ли у них развито чувство гражданского долга по отношению к своему второму Отечеству в той же степени, что и у местных купцов? Ответ на этот вопрос позволил бы нам исследовать проблему внедрения иностранного элемента в состав московского купечества. Имеющиеся в моем распоряжении данные, в первую очередь приговоры московского купеческого общества, по-

¹ Олег Викторович Ларюшкин – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва, Россия), e-mail: laryuschkin@yandex.ru.

Oleg W. Laryuschkin – Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Center of the Russian Feodalism's history of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

зволюют осветить ряд вопросов, связанных с участием купцов в органах местного управления, пожертвованиях на военные нужды, устройство образовательных учреждений, органов общественного призрения. Одним из важных проявлений гражданской позиции купечества являлась благотворительность, которая включала подачу милостыни нищим и убогим, участие в сборе средств на военные нужды, строительство храмов и пожертвования на образование.

О.Е. Нилова довольно подробно осветила благотворительную деятельность московского купечества в конце XVIII – первой четверти XIX в. [14, с. 67]. В 1775 г. были учреждены приказы общественного призрения. В 1781 г. частным лицам разрешили открывать благотворительные заведения. Средства купцов использовались на нужды благотворительных и учебных заведений, городское благоустройство, содержание купеческого общественного дома, сиротского и словесного судов, богаделенного для бедных и немощных, дома вновь учрежденного Коммерческого училища [14, с. 68]. Значительная часть средств Московского Купеческого Общества (далее – МКО) шла на обеспечение деятельности учреждений приказа общественного призрения. В его ведении находился Богаделенный дом, до 1788 г. полностью содержавшийся купечеством. В деле обеспечения богаделен купечество принимало постоянное участие, о чем свидетельствуют постановления, принимавшиеся на протяжении всего рассматриваемого периода [14, с. 68].

В списке московских купцов, пожертвовавших на благоустройство богадельни в 1779 г., фигурируют имена двух купцов греческого происхождения – П. Драншев и Д. Спиридонов [6, с. 28]. Купец 1 гильдии француз К. Депре ежегодно совершал пожертвования в пользу Московского попечительства о бедных и на содержание находящихся в богадельне 15 женщин сумму 1 200 руб. серебром. Он был избран Советом попечительства в должность казначея по второму Басманному отделению. Нахождение на этом посту являлось вполне существенным доводом в пользу освобождения его от городской службы, о чем и ходатайствовал Совет попечительства в 1860 г. Но МКО отказало ввиду того, что Депре по выбору купеческого общества в службе еще не находился. Это дело стало известно московскому военному генерал-губернатору, который встал на сторону Совета попечительства, объясняя свою позицию тем, что Депре, согласно ст. 378 т. 3 Устава о службе по выборам, должен быть освобожден от городских выборов на время пребывания в должности казначея. Купеческому обществу пришлось согласиться с этим решением [11, с. 121, 193]. Во время эпидемии холеры в Москве в 1830 г. купец 3 гильдии французского происхождения Д. Сихлер пожертвовал 105 руб. для Тверской лечебницы. А итальянец А. Монигетти

сделал 50-процентную скидку (1 руб. 50 коп. вместо 3 руб.) на уксус «под названием четырех разбойников», предназначенный для очищения воздуха и обработки одежды. Для неимущих лиц, проживавших в Тверской части, при предоставлении свидетельства от полиции уксус выдавался бесплатно [13, с. 3884].

Фамилии купцов иностранного происхождения фигурируют среди почитателей московских образовательных учреждений. Одним из трех почитателей Московского мещанского училища в 1840-е гг. был купец 2 гильдии немец В.И. Кистер [8, с. 417]. Семейство немцев Йокиш внесло материальный вклад в развитие образования и в храмовое строительство. Речь идет не только о Лютеранской церкви св. Петра и Павла, прихожанами которой они являлись, но и о церкви Всех Святых в с. Всехсвятском, к приходу которой относилась д. Михалково (в ней располагалось суконная фабрика Йокишей). По завещанию А. Йокиша, в Комиссаровском техническом училище учредили стипендию его имени [15, с. 73]. Московский именитый гражданин швейцарец М. Блюмер в начале XIX в. являлся владельцем благородного пансиона. Он принес в дар Практической академии коммерческих наук 26 экземпляров сокращенной им общей грамматики в двух частях [3, с. 30–31].

Купец 1 гильдии грек Х.Д. Спиридонов, состоявший в должности эконома Московского коммерческого училища, в декабре 1831 г. внес пожертвование на сумму 5 000 руб. на расширение училищного дома (ранее им было пожертвовано 1 000 руб. ассигнациями в пользу храма, находящегося при училище). Совет училища выразил ему «свою совершенную признательность» [7, с. 176–177]. Спиридонов, а также немец Г.И. Штейнбах и британец А.Я. Колли в 1849 г. были избраны МКО в комиссию для рассмотрения изменений в устройстве коммерческого училища [9, с. 173]. В 1851 г. коммерческое училище избирало 4-х почетных членов из московского купечества, из которых двое иностранцы – немец Ф. Гольцгауер и армянин И.С. Ананов [9, с. 329]. Грека Спиридонова избрали почетным членом в 1855 г. [10, с. 224]. Его сын, В. Спиридонов, в 1859 г. изъявил желание принять на себя должность особого почетного блюстителя при Андрониевском духовном училище (для лучшего устройства хозяйственной части в духовно-учебных заведениях), однако купеческое общество отказало в этой просьбе, ввиду того что он еще не состоял в выборах на городской службе [11, с. 187].

Среди представителей греческой общины Москвы, отличившихся на поприще благотворительности в пользу просвещения, широко известно имя уроженца Эпира З.П. Зосима. Свои материальные средства он жертвовал как на благо российского образования, так и в пользу греческого. При основании в Москве практической коммерческой академии в 1810 г. им был

внесен вклад на сумму 20 000 руб., Московскому университету он принес в дар дачу и дом в предместье Москвы, где помещалась обсерватория [17, с. 471–472], Императорскому обществу испытателей природы пожертвовал более 6 000 руб. на напечатание новых изданий. Зосима состоял почетным членом многих ученых обществ в Западной Европе и в России, числился членом Московского университета, Общества испытателей природы, Общества истории и древностей российских, Московской медико-хирургической академии и Практической академии. Его материальное попечительство греческой культуре выразилось в том, что на его средства были изданы почти все греческие книги, напечатанные в Европе; в Московской гимназии был учрежден класс, а в Московской медико-хирургической академии на его средства в течение ряда лет содержался лектор греческого языка; наконец, школа в Янине, учрежденная им и его братьями, сыграла важную роль в греческом образовании во времена Османской империи (и ныне функционирует). Благотворительная и просветительская деятельность Зосимы была отмечена высочайшими наградами: пожалованы ордена св. Анны 2-й ст. и св. Владимира 4-й ст. Его посещали и некоторые представители царской фамилии, многие ученые и все те, кому дороги были интересы просвещения [17, с. 471–472].

Московские купцы мусульманского вероисповедания становились благотворителями учебных заведений, расположенных за пределами Москвы и даже порой за пределами России, в их Отечестве. Д.З. Хайретдинов упоминает имя купца бухарского происхождения А. Хашхалова, который перед смертью в 1822 г. завещал потратить 20 тыс. голландских червонцев на «построение в Бухарии народного училища» и еще 8 тыс. червонцев – на его содержание (итого 322 тыс. руб. по курсу того времени) [20].

Говоря о попечительстве предпринимателей иностранного происхождения в Москве, нельзя не упомянуть армянскую фамилию Лазаревых, основавших в 1815 г. учебное заведение, ставшее впоследствии Лазаревским институтом восточных языков. Правда, здесь следует сделать оговорку. Хотя Лазаревы и занимались предпринимательской деятельностью, они не состояли в московском гильдейском купечестве, будучи пожалованными во дворянство. Идея создания образовательного учреждения принадлежала О.Л. Лазареву. В 1815 г. его младший брат построил большой дом в Армянском переулке и открыл в нем специальную школу, которая была преобразована в училище, а затем (через 12 лет) в Лазаревский институт восточных языков. Оно стало одним из первых высших учебных заведений и при этом являлось частным. Училище было рассчитано на 150 воспитанников, а армян в нем обучалось примерно 50–60 % [2, с. 21].

Соотечественник Лазаревых И.С. Ананов (1811–1888), московский купец 1 гильдии, с середины XIX в. также проявил себя в попечительстве

образовательным учреждениям. Он был членом Совета правления Московского Лазаревского института восточных языков и старшим членом совета попечителей Касперовского приюта (в 1860-х гг. был основан в Москве для бедных и престарелых армян) [18, с. 24–25]. Также на его средства был учрежден ряд школ в Тифлисе.

Однако попечительство купцов образовательным и богоугодным заведениям не всегда находило поддержку со стороны московского купеческого общества. Более того, последнее иногда чинило препятствия в его осуществлении, если это хоть как-то затрагивало ситуацию с выборами на городскую службу. Например, купец Т. Швабе, назначенный в 1861 г. на должность присяжного попечителя коммерческого суда, подал прошение об увольнении, мотивированное тем, что он с 1852 г. находился в звании комиссионера Харьковского университета и имел отлучки из Москвы. Он также состоял физико-механиком при московских кадетских корпусах и был ответственным за «содержание корпусов и показывание физических опытов воспитанникам»: «обязан был исправлять и переделывать в корпусах все учебные инструменты и содержать их в исправности и показывать воспитанникам опыты большими снарядами, имеющимися в его магазине без всякой платы». Общество не приняло его прошение на основании ст. 345 т. 3 Устава о службе по выборам [11, с. 341].

В 1850 г. попечитель уездных богоугодных заведений ходатайствовал перед московским купеческим обществом об определении московского купца Ф.К. Шильдбаха в должность казначея верейских богоугодных заведений. МКО не приняло это ходатайство, ввиду того что Шильдбах в службе московского купечества не был, а состоял на текущее трехлетие с 1849 г. кандидатом на должность ратмана в Московскую управу благочиния; кроме того, будучи московским, а не верейским купцом, он не мог занимать эту должность [9, с. 296]. Нежинский грек М.П. Псалида пожертвовал в 1817 г. Московскому военному госпиталю коллекцию из 12 картин с описанием военных побед русских войск, а также Александровскому греческому училищу в Нежине – 12 эстампов, посвященных победам русских войск в 1812 г. [21, с. 548]. Сын британского уроженца А.Я. Колли, вступившего в московское купечество в 1825 г., Андрей, брат российских физиков Роберта и Александра Колли, в 1859 г. стал казначеем звенигородских богоугодных заведений [11, с. 107].

Личный почетный гражданин С.И. Кони, жертвовавший в пользу детских приютов 500 руб., был утвержден в 1856 г. Советом приютов в звании почетного старшины. Ввиду этого Совет ходатайствовал перед московским купеческим обществом об освобождении его от выборов на городскую службу, но просьба была отклонена [10, с. 302]. Выдающийся отечествен-

ный художник, сын московского купца греческого происхождения Г.Ю. Венецианова, А.Г. Венецианов, памятуя о купеческом происхождении и в знак своего уважения и признательности, подарил московскому купеческому обществу картину, «изображающую Государя Императора Петра Великого с князем Меншиковым, графом Головиным и другими сановниками в ту минуту, когда он изыскивал удобное место для построения Санкт-Петербурга» [8, с. 432].

Итак, среди московских купцов иностранного происхождения было немало лиц, ставших попечителями образовательных и богоугодных заведений. Важно отметить, что их попечительская деятельность не ограничивалась лишь образовательными учреждениями своих национальных общин, но и распространялась на российские учреждения.

XVIII–XIX вв. ознаменовались чередой войн, требовавших значительных финансовых затрат, и купечество принимало участие в обеспечении русской армии не только выплатой налогов, но, в том числе, и добровольными пожертвованиями. О.Е. Нилова упоминала, что в 1806 г., в период войны с Францией, МКО откликнулось на Манифест о создании земского войска. Московское купечество внесло значительный вклад в обеспечение победы в Отечественной войне 1812 г., приняв участие в сборе средств на ополчение, – собрано 1,5 млн руб. от 856 купеческих семей [14, с. 69]. В списках москвичей, пожертвовавших крупные суммы на нужды русской армии, встречаются имена иностранцев и, прежде всего, французов: например, знаменитая московская купчиха Обер-Шальме, пожертвовавшая 1 500 руб., книготорговцы Л. Мессонье, И. де Вильфор, Лебур, Ж. Готье, пожертвовавших каждый по 1 000 руб., книготорговцы Ж. Бува и М. Аллар, а также А. Прево, А. Демонси, давшие по 500 руб. на армию [16, с. 318]. В Крымскую войну некоторые московские купцы иностранного происхождения также совершали пожертвования. Грек И.Г. Хаджи-Коста внес 8 775 руб. и 1 000 флоринов в пользу раненых и пленных, за что впоследствии был представлен к ордену Станислава 2-й ст. [21, с. 348]. Знаменитый кондитер, московский купец Т. Эйнем во время Крымской войны поставлял в армию сиропы и варенья. Государственный заказ принес ему значительный доход. Общественная репутация Эйнема была очень высокой, чему способствовала его благотворительная деятельность. С каждого проданного фунта нового печенья он жертвовал 5 коп. серебром, из которых половина суммы поступала в пользу благотворительных заведений Москвы, а другая – в пользу Немецкой школы для бедных и сирот [5; 19].

Таким образом, значительной массе московских купцов иностранного происхождения не была чужда благотворительная деятельность на разви-

тие просвещения, строительство культовых и богоугодных заведений, пожертвования в пользу русской армии, что позволяет сделать вывод о ее, в целом, успешной инкорпорации в московское гильдейское купечество. По сути, они стали равными с местными московскими купцами не только по правам, но и по обязанностям, а также по ментальным особенностям, которые выражались, в частности, в больших добровольных пожертвованиях.

Список источников и литературы

1. *Аксенов А.И.* Русское купечество XIX века в культурно-историческом контексте // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения: материалы церковно-научной конференции, Пермь, 26 марта 2008 года. Пермь: Изд. Пермского отд-ния Имп. Правосл. Палестинского об-ва, 2012. С. 92–99.
2. *Георгян Л.Г.* О деятельности армян в отдельно взятых регионах России. Фрязино: [Б.и.], 2006. 62 с.
3. *Горшков Д.И.* Москва и отечественная война 1812 г.: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Гл. арх. упр., 2011. 640 с.
4. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX вв. М.: РОССПЭН, 2007. 470 с.
5. *Лантвоева Н.* «Товарищество Эйнемъ» (история бренда) // Музей рекламы. URL: <http://muzey-reklami.com.ua/ejnem> (дата обращения: 31.12.2020).
6. Материалы для истории Московского купечества. Т. 1: Приговоры Московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1892. XXIV, 487 с.
7. Материалы для истории Московского купечества. Т. 3: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1896. XVI, 489 с.
8. Материалы для истории Московского купечества. Т. 4: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1899. XX, 467 с.
9. Материалы для истории Московского купечества. Т. 5: Приговоры московского купеческого общества. М.: типо-лит. М.И. Куманина, 1895. VIII, 374 с.
10. Материалы для истории Московского купечества. Т. 6: Приговоры московского купеческого общества. М.: тип. А.Н. Иванова, 1908. XVI, 417 с.
11. Материалы для истории Московского купечества. Т. 7: Приговоры московского купеческого общества. М.: тип. А.Н. Иванова, 1908. XXV, 533 с.
12. Милютинский переулоч, 13, стр. 1. Вышка. Фундамент // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/fundament/milyutinskiy/> (дата обращения 31.12.2020).
13. Московские ведомости. 1830. № 89. 5 нояб.
14. *Нилова О.Е.* Общественная деятельность московских купцов в конце XVIII – первой четверти XIX века // II конференция «Города Подмоскovie в истории российского предпринимательства и культуры». Серпухов: Серпух. ист.-худож. музей, 1997. С. 67–78.
15. *Петрова Е.Г.* Мануфактура «Йокиш»: Из истории создания российской суконной промышленности (1838–1918) // Экономическая история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2009. С. 58–81.

16. *Ржеуцкий В.С.* Московские французы и создание образа врага. // Французский ежегодник: 2012. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 314–335.
17. Русский биографический словарь. Т. 7: Жабокритский – Зяловский. Петроград: Имп. Рус. ист. о-во, 1916. 588 с.
18. *Саргсян Р.* Армяне-благотворители Тифлиса (вторая половина XIX в.) // Историко-филологический журнал. 2011. № 2. С. 149–161.
19. Сладкий эталон. «Красному Октябрю» – 150 лет // Аналитический журнал «Русский предприниматель». 2002. 1 нояб. URL: <http://www.ruspred.ru/arh/00/11гг.html> (дата обращения: 31.12.2019).
20. *Хайретдинов Д.* Мифы о мечетях Москвы // Газета Медина аль-ислам № 111. URL: <http://www.idmedina.ru/medina/?2159> (дата обращения: 31.12.2020).
21. *Шахова А.Д.* Нежинские греки в Москве в первой половине XIX века // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. С. 537–560.